Рисунок И. СЕМЁНОВА.

«У нас на каждый колхоз имеется несколько представителей по заготовкам тех или иных видов продуктов. Нужны ли они! Нет, не нужны».
(Из отчетного доклада тов. Н. С. ХРУЩЕВА).

— Поехали! Грузить больше некуда.

КРОКОДИЛ

МОСКВА. ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 6 29 ФЕВРАЛЯ (1440) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 34-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

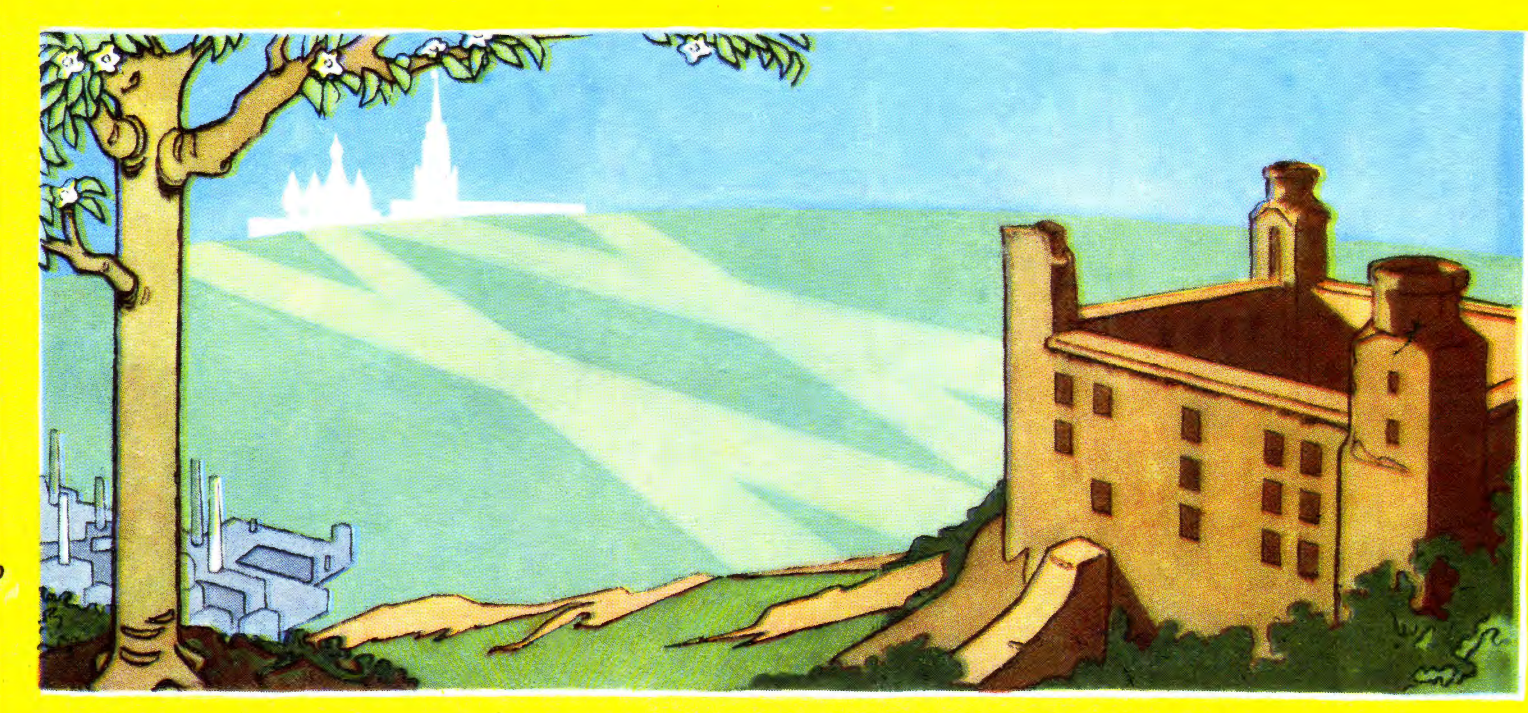
Рисунок Пак Сын Хи и Чан Чин Гвана (корейский сатирический журнал «Хуальсал»), выполненный для «Крокодила».

ПОЗДРАВЛЯЮ с XX съездом КПСС!

ПЕРЕВЫПОЛНИМ ТРЕХЛЕТНИЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА КНДР!

— Приветствую шестую пятилетку!

Рисунок В. Вейскопфа (словацкий сатирический журнал «Рогач»), выполненный для «Крокодила».

—Сердечно поздравляю с великим съездом!

«РОГАЧ», БРАТИСЛАВА.

СИПЛАЯ ДУДА

У неё большой стаж, у этой старой сиплой дуды. Она пищит и дудит с давних времён.

Накануне первой советской пятилетки учёнейший немецкий экономист Кремер оповестил вселенную через эту дуду о следующем:

«Если бы пятилетний план можно было выполнить в пятьдесят лет, то и тогда это было бы грандиозно. Однако это утопия».

В стенограмме XVI съезда партии, на котором были приведены эти глубокомысленные слова учёного мужа, сразу после цитаты имеется ремарка: «Смех».

Можно было бы перечислить здесь не один десяток таких шутов-дударей. Они гудели со страниц многих так называемых солидных органов печати. Если бы собрать воедино все цитаты, сулящие провал наших планов, получился бы неплохой юмористический сборник.

Но прошли годы, и дудари вынуждены были сменить свой излюбленный репертуар. Они поневоле начали дудеть поиному. Они уже не смеют перепевать старые песенки о «крахе» наших планов. Пошла уж музыка не та.

Когда-то один помещик хвастал своими индюками. У него, мол, в имении есть очень приятные индюки:

— Выхожу я это рано утром на крылечко, а индюки уже дожидаются меня. Говорю им: «Здорово, ребята!» А они дружно отвечают: «Здравия желаем, ваше высокоблагородие!»

В хозяйстве нынешних миллиардеров тоже немало таких послушных домашних птиц — учёных профессоров, министров, журналистов. Птицы эти то и дело становятся во фрунт и провозглашают: «Здравия желаем, ваше высокодоллародие!», «Рады стараться, ваше империалистическое высочество!».

И стараются.

Сиплая дуда дудит о «коммунистической агрессии», — авось, кто-нибудь поверит, испугается и начнёт плясать под эту дуду. Антисоветских дел мастера руководствуются поговоркой: «Играй, дуда, пляши, дурень!», — надеясь, что на их век таких плясунов хватит.

«Агрессию» они видят в растущем экономическом могуществе стран социализма. Американский сенатор Уайли, например, прямо так и заявляет:

«Политика Кремля, сулящая «сахар, молоко и мёд», представляет собой самую большую со времён второй мировой войны опасность для свободного мира».

Под «свободным миром» мистер Уайли подразумевает себя и себе подобных джентльменов.

Фельдмаршал Монтгомери обходит вопрос о пищевых продуктах. Он стращает другим продуктом — «мировым господством».

«Цель коммунизма, — заявил он недавно с учёным видом знатока, — попрежнему состоит в установлении мирового господства».

Старая сиплая дуда давно уже не пользуется успехом у людей с хорошим слухом. Они знают, что лживые звуки этой дуды должны лишь прикрыть, замаскировать политику «крестовых походов» против мира, демократии и социализма, планы мирового господства, лелеемые кучкой миллиардеров. Это признают даже некоторые разочарованные дудари. Вот как сформулировала своё разочарование газета «Уолл-стрит джорнэл»:

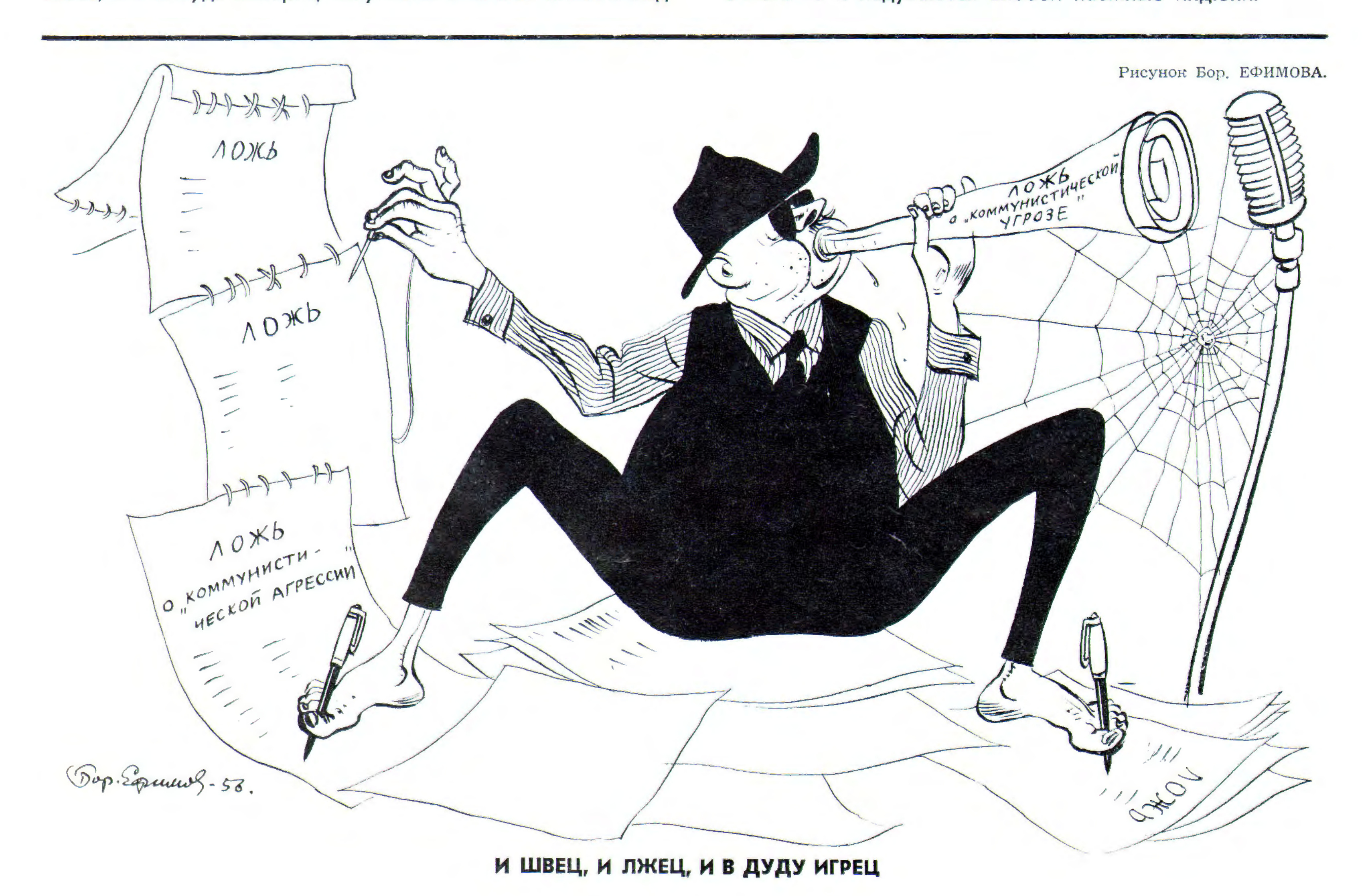
«Провал нашей кампании по рекламированию внешней политики связан не с организацией рекламы, а с характером самого товара. Когда мы будем иметь хороший товар, реклама будет иметь успех».

Старая сиплая дуда не поможет рекламе. Товар-то гнилой!

Нынче звуки этой дуды перекрываются голосами миллионов рабочих и крестьян в странах капитала, единодушно желающих советскому народу новых успехов в осуществлении планов шестой пятилетки.

Оттого-то и надуваются злобой наёмные индюки.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

И ШВЕЦ, И ЛЖЕЦ, И В ДУДУ ИГРЕЦ

ПРОКАТИЛИСЬ.

187 автохозяйств Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог закончили 1955 год с большими убытками.

Рисунок Бориса ЛЕО.

Расул ГАМЗАТОВ

ДОКЛАДЧИК БЫЛ ДОВОЛЕН

Уборки время подошло,
Текло зерно со звоном.
И вдруг приехал к нам в село
Докладчик из района.

На зал он посмотрел в упор,
Глоток воды отпил.
Сказал: «Начнём!»
Очки протёр.
Тетрадь свою раскрыл.

И напряжённо стали ждать
Колхозные бригады,
Что смогут ценного узнать
Из этого доклада.

Он от стола не поднял глаз,
Боялся, верно, сбиться,
Покашливая каждый раз,
Когда листал страницы...

Читает долго свой доклад
Оратор из района.
А люди в зале говорят:
— Каким бы длинным был канат,
Из этих слов сплетённый!

Давно пора кончать ему.
Работа ждать устала!
И люди все по одному
Выходят вон из зала.

И снова на поле народ,
Уборка движется вперёд!
Лишь в положеньи глупом
Сидит один завклубом.

Он слушал, слушал, задремал
И выспался на славу,
Но бросить этот скучный зал
Он не имеет права.

Завклубом выход вдруг нашёл,
К трибуне быстро подошёл
И, прозвенев ключами,
Сказал: «Запрёте сами!»

Последний звук слетает с губ,
В окне — заката луч.
И наконец затихший клуб
Уже закрыт на ключ.

Докладчик по полю идёт.
Он несказанно рад:
Ещё бы, трудится народ,
Уборка движется вперёд,
Знать, вдохновил доклад!..

Перевели с аварского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ
и Ирина СНЕГОВА.

УФИМСКИЕ НОВЕЛЛЫ

Их было трое: журналист, кооператор и нефтяник. Они сидели в столовой и потчевали друг друга гуляшом, армянской минеральной водой «Арзни» и новеллами из жизни местных службистов и хозяйственников.

— Хотите, я расскажу вам историю,— предложил журналист,— о маневровом паровозе, «белой головке» и человеке с широкой натурой? Его фамилия — Овечкин. Живёт он в Черниковске и работает дежурным по станции Железнодорожная. Вот у этого Овечкина размах! Как-то ему захотелось выпить в служебное время. Кого же, вы думаете, он послал за «белой головкой»?

— Курьера! — догадался нефтяник.

— Мало фантазии!

— Автомашину? Дрезину?

— Па-ро-воз!

— М-да! Это действительно размах! И какое неожиданное использование паровозного парка! — сказал нефтяник.

— Овечкин — дошкольник, ползунок! — жёстко заметил кооператор.— Ему бы поучиться размаху у «Роспотребсоюза». Кстати, вы знаете историю об ишаках, вьючных сёдлах и «Роспотребсоюзе»? Поучительнейшая новелла!.. Однажды «Башпотребсоюз» получил из Москвы сообщение о том, что ему отгружается тысяча вьючных сёдел для ослов и лошадей. «Странно,— подумали мы,— с таким же успехом в Башкирию можно было прислать недоуздки для слонов. Ведь ишаков у нас нет, так же как и слонов! К тому же башкиры никогда не перевозят на лошадях грузы вьюком».

Мы немедленно поделились своими соображениями с «Роспотребсоюзом». В ответ начальство предложило нам не мудрствовать лукаво. Дескать, если есть сёдла, должны найтись и ослы.

Мы обшарили все районы. Ишаков не было. Однажды в сплошной тьме неудач мелькнул огонёк надежды. Нам сообщили, что в уфимском парке имеются ослики для катания детей. Мы ринулись в парк, но оказалось, что единственный ишак не так давно отдал богу душу и после него осталось... три седла.

Стоит ли говорить, что от этого удара мы уже не могли оправиться! «Роспотребсоюз» прислал сёдла. Мы автоматически распределили их.

— Позвольте, а при чём тут размах? — удивился нефтяник.

— А разве снабжение сёдлами целого поколения ещё не родившихся ишаков не является ярким свидетельством торгового размаха «Роспотребсоюза»?

— А всё же ишачья история не произвела на меня глубокого впечатления,— сказал нефтяник.— Тысяча сёдел стоит не одну сотню тысяч рублей, но нас этим не поразишь!

— А чем вас поразишь?

— Видно, придётся мне рассказать историю о парафине, бравых пожарниках и нашем главке. Кстати, вы знаете, что такое парафин и с чем его едят?

— Парафин получается, кажется, из нефти,— сказал журналист.— Он применяется в текстильной, спичечной, электротехнической промышленности и прочих производствах.

— Совершенно верно. Итак, начну с того, что на туймазинских промыслах скопилось много парафинистой массы. На наших глазах гибнет ценное сырьё. Никто им не интересуется. Впрочем, виноват. Парафин полюбился пожарникам. Огнеработники проводят на нём свои учения. Выльют бочку бензина (чтобы парафин лучше горел) и, как говорится, пешим строем кидаются в дым и пламя, показывая чудеса выучки и противопожарной смекалки.

Но мы отчётливо понимали, что парафин необходим не только для того, чтобы создавать, по выражению одного брандмайора, «огневую обстановку, максимально приближённую к пожарной». Мы написали об этом в «Главвостокнефтедобычу» и просили выделить нам фонды заработной платы и средства для сооружения простенькой установки по очистке и первичной обработке парафинистой массы. Мы мыслили просто: получим очищенный парафин, запакуем его в ящики и отправим заказчикам. Им сырьё, нам прибыль. Резонно?

Однако кабинетные умельцы не пришли в восторг от наших мыслей и посоветовали заниматься парафином в порядке чистого энтузиазма. Мы должны были сами изыскать средства, механизмы, тару, заказчиков и прочее. И мы кустарничаем. Раздобыли нескольких заказчиков, отправляем им парафинистую массу. Но это капля в море...

— Послушайте,— сказал кооператор,— я не вижу здесь новеллы о людях с размахом!

— А сколько, по-вашему, мы имеем парафинистой массы? — спросил нефтяник.— Десять тысяч тонн!

— Десять тысяч! — ахнул журналист.— Какое безобразие!

— Да, но это только у нас. А рядом, у Субхангулевского районного нефтепроводного управления, в земляной яме хранится около двадцати пяти тысяч тонн!

— Всего тридцать пять тысяч! — в один голос воскликнули журналист и кооператор.

— Повторяю, это только у нас,— неумолимо продолжал нефтяник. — А если взять все промыслы Башкирии, Татарии...

Наступила тишина. История с ишачьими сёдлами как-то сразу померкла, оказалась пресной и незначительной.

Десятки тысяч тонн ценного продукта похоронить в земле! Вот это действительно размах! Размах расточительства!

И мы подумали, что об этом следует говорить не за бутылкой «Арзни». Тема эта, безусловно, выходит за пределы застольной беседы. Впрочем, смотря за каким столом беседовать. На наш взгляд, она бы очень уместно прозвучала за столом коллегии Министерства нефтяной промышленности.

С. ШАТРОВ

Башкирская АССР.

Рисунок И. СЕМЁНОВА.

СОВРЕМЕННЫЙ ПАЦЮК ИЗ АРТЕЛИ «НАХЛЕБНИК».

М. ЛОКТЮХОВ

Иван Кузьмич занемог

Рисунок Бориса ЛЕО.

День начался.

В просторный кабинет Ивана Кузьмича вошёл начальник планового отдела и, осторожно коснувшись кончиками пальцев края стола, почтительно доложил, что план полугодия выполнен всего-навсего на 73 процента.

Иван Кузьмич — человек богатырского телосложения — как-то странно посмотрел начальнику планового отдела в правое ухо, хотел что-то сказать, но, схватившись рукой за голову, безмолвно поник в мягком кресле.

В приёмной Ивана Кузьмича было тихо, как на кладбище. Секретарь Агния Акимовна, курьер и машинистки ходили на цыпочках.

Всякому, кто переступал порог приёмной, рыжеволосая Агния Акимовна предупреждающе шипела навстречу:

— Тише, ради бога! Занемог Иван Кузьмич...— и прикладывала палец к голове.

Иван Кузьмич уехал домой раньше обычного. Он вышел из кабинета озабоченный, усталый, тяжело ступая по начищенному до блеска паркету. От всей его фигуры веяло подавленностью и скорбью.

На другой день позвонила жена Ивана Кузьмича и сообщила, что у него повышенное кровяное давление.

— Подумайте только,— с ужасом говорила Агния Акимовна сотрудникам,— у Ивана Кузьмича повысилось кровяное давление!

— А кто ему нагнал? — спрашивали сотрудники.

— Нагнали! У нас кому хочешь нагонят! — говорила Агния Акимовна и закатывала вверх белёсые глаза с накрашенными ресницами.

Пролежав месяц дома, Иван Кузьмич уехал в санаторий.

Чтобы успокоить свои, как он говорил, расшатавшиеся нервы, Иван Кузьмич целыми днями удил рыбу. Забравшись в тенистый уголок на берегу речушки, он усаживался на корягу, опускал ноги по колено в живительную прохладу воды, налаживал червячка на крючок удочки и, поплевав на него, бросал в воду. Потом подолгу смотрел, как по речной глади медленно расходятся водяные круги.

Вечерами, прогуливаясь по тенистым аллеям парка и вдыхая вечернюю свежесть, Иван Кузьмич набирался сил. Раз в неделю он звонил по телефону своему заместителю и как бы невзначай спрашивал:

— Ну, а как там с планом? Как со сдачей жилья?

Когда он наконец узнал, что дела улучшаются и план будет выполнен, то зашёл к главному врачу санатория и заявил, что не может находиться здесь, когда там решается судьба государственного плана.

Иван Кузьмич прервал отпуск и неожиданно вернулся на службу. Войдя в кабинет, сел в мягкое кресло, лёгким движением пальца проверил, нет ли пыли на стекле стола, вызвал секретаря и, подняв указательный палец, строго сказал:

— Наведите порядок!

Сотрудники с тревогой спрашивали у секретаря:

— Ну, как здоровье Ивана Кузьмича?

— Слава богу, поправляемся,— важно говорила Агния Акимовна и, круто повернувшись, исчезала в кабинете.

Между тем Иван Кузьмич, не торопясь, приступил к делу. Он долго и обстоятельно беседовал со своим заместителем.

— Я здесь один совсем замотался,— рассказывал заместитель, высокий, худощавый человек с измученным лицом.— Совещания, заседания, напряжённое положение с планом — прямо замучился!

— Ну, ничего, мы поднажмём,— усаживаясь плотней в кресле, говорил Иван Кузьмич.— Строители, братец, никогда не пожинали лёгких хлебов. Труд их всегда был тяжёлым, но почётным делом.

...Было чудесное время года — лето, золотая строительная пора. Всё дышало подъёмом. Дела шли день ото дня лучше.

Иван Кузьмич блистал довольством. В местной газете появилось сообщение, что организации, руководимые Иваном Кузьмичом, успешно выполняют государственный план. Он посещал стройки, дружески беседовал с рабочими, но, странно... никогда не подымался выше второго этажа, а когда его приглашали подняться выше, делал скорбное выражение лица, слегка хлопал ладонью по сердцу и говорил:

— Требует профилактики!

Но зато заседания и совещания, куда его приглашали, Иван Кузьмич всегда посещал охотно. Там при удобном случае он говорил об успехах возглавляемого им коллектива, но делал это всегда осторожно, скромно потупив взор. И когда его спрашивали, какими путями коллектив добился успешных результатов, тихо и поучительно произносил:

— Трудиться надо, товарищи! Трудиться!

Но вот наступила осень. Дожди, слякоть, холода мало способствовали успешной работе строителей, и подведомственные Ивану Кузьмичу организации резко сдали темпы.

Иван Кузьмич нервничал, кричал на совещаниях, а когда почувствовал, что план будет сорван, снова занемог. Произошло это почти так же, как и в первый раз. Утром к нему зашёл начальник планового отдела и доложил, что план девяти месяцев выполнен на 82 процента, что социалистические обязательства находятся под угрозой срыва. Иван Кузьмич промычал что-то непонятное, неприязненно посмотрел на начальника планового отдела, схватился двумя руками за голову и поник.

На этот раз его положили в больницу.

— Чёрт её знает,— говорил он врачам,— колет что-то в затылке.

— Странная болезнь у нашего начальника,— говорили сотрудники,— как только план вниз, давление — вверх.

Две недели лежал Иван Кузьмич в палате и, глядя на больных, с тревогой думал, что вот когда-нибудь и он заболеет и, чего доброго, помрёт.

Из больницы Ивана Кузьмича отправили в санаторий.

Он ходил по аллеям парка сгорбленный, с выражением тревоги на лице, подолгу с печалью глядя на скованную стужей землю. К Ивану Кузьмичу приезжали сотрудники и спрашивали с тревогой:

— Как ваше здоровье, Иван Кузьмич?

— Плохо, очень плохо,— опустив голову, медленно и тихо, как и полагается больному человеку, говорил он.

На службе поговаривали:

— Плох наш Иван Кузьмич, чего доброго, помрёт.

И действительно, у него был вид тяжело больного. Он ходил, медленно передвигая ноги, и казалось, толкни его — и не встанет.

Проявляя заботу о здоровье Ивана Кузьмича, к нему в санаторий приехал вышестоящий начальник.

— Ну, как наши дела? — бодро говорил он, чтобы поднять настроение тяжело больного человека.

— Плохо, очень плохо,— отвечал Иван Кузьмич.— На такой работе при моём здоровье человека хватит на полгода. Хорошо бы подобрать что-нибудь полегче.

— Это можно,— обнадёживающе говорил гость.

Меж тем Иван Кузьмич нет-нет, да и позвонит заместителю:

— Ну, как там дела? Как с планом?

Но вести оставались неутешительными...

И вдруг случилось неожиданное для Ивана Кузьмича.

— Помогли нам, Иван Кузьмич,— слегка заикаясь от волнения, говорил в телефонную трубку заместитель.— Крепко помогли. Да и сами мы прилично поработали. Так что, думаю, годовой план обеспечим. Может быть, даже досрочно.

За двенадцать дней до конца года, неожиданно прервав лечение, Иван Кузьмич прибыл на службу. Как ни в чём не бывало, он вошёл в кабинет, сел в мягкое кресло и лёгким движением пальца проверил, нет ли пыли на стекле стола. Но... обеспокоенные состоянием его здоровья, вышестоящие руководители уже приняли решение о переводе Ивана Кузьмича на другую, менее ответственную и более спокойную работу.

И когда Иван Кузьмич узнал об этом, он на этот раз занемог всерьёз.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

И ТАК БЫВАЕТ

В одно ухо влетает, в другое — вылетает...

Иллюстрированный железнодорожный словарь

Рисунки Е. ГОРОХОВА.

Железнодорожная насыпь.

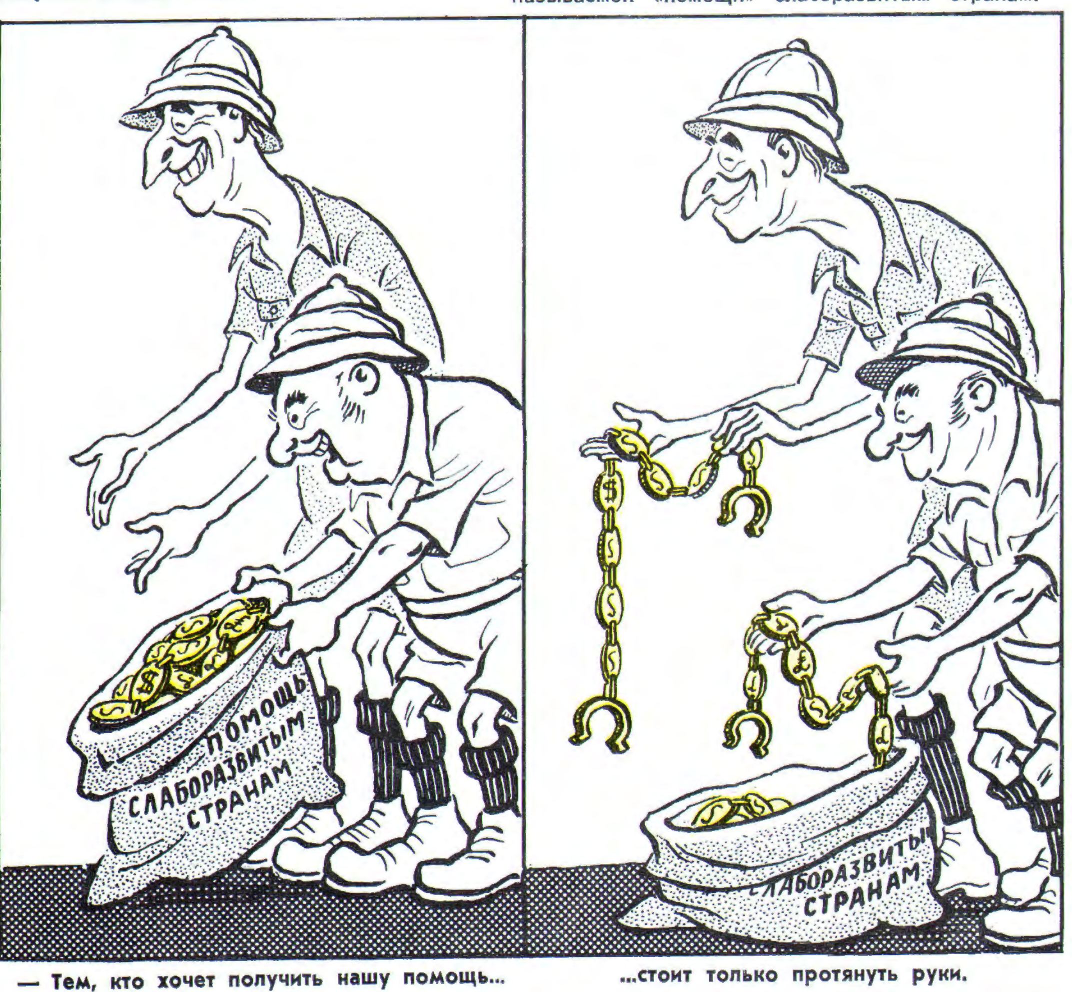
Зал ожидания.

Дежурные по станции.

Маневрирование.

Рисунок М. АБРАМОВА.

Колониальные державы пускают в ход новые формы колониального порабощения под видом так называемой «помощи» слаборазвитым странам.

— Тем, кто хочет получить нашу помощь... ...стоит только протянуть руки.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «КЛЕВЕТАЙМС»

— Вот серия статей, которые вы будете присылать из России.

Штефан САБО

Высокое назначение

На высокой башне собора в старинном городе Западной Германии часы пробили десять. Ещё не отзвучал последний удар, когда на тихой улочке неподалёку от собора, в великолепном особняке, окружённом садом, отворились тяжёлые двери резного дуба.

Даже пушистые ковры и тяжёлые портьеры не могли заглушить стука каблуков и отрывистого:

— Бывший генерал СС Франц Дитрих!

— Пусть войдёт!

Лейтенант американской армии почтительно открыл двери. Вошёл высокий, сухощавый, элегантно одетый мужчина. У стола он остановился.

— По вашему приказу, господин генерал...

— Рад вас видеть, господин Дитрих. — Из-за стола поднялась грузная фигура в американской военной форме. — Поздравляю вас с двойной победой...

— Победой?..

— Да, генерал Дитрих. Первая во Франции, вторая здесь. Всего лишь час назад я получил донесение, что французский военный суд заочно приговорил вас к смерти. Вам, надеюсь, известно, за что именно...

Элегантная фигура даже не шевельнулась.

— Да, да, генерал, за расстрел трёхсот заложников, за поджог двух деревень, ещё за какие-то пустяки...

Франц Дитрих слегка побледнел:

— Вы хотите, как я понимаю...

— Что вы, что вы! — рассмеялся американец. — Как вам могло придти такое в голову? Выдать вас? Напротив! Я вызвал вас, чтобы сообщить, что вы назначаетесь в штаб армии НАТО. Мы надеемся на вашу преданность высоким идеалам гуманизма, святым идеям демократии и свободы. Разрешите поздравить вас...

Две руки соединились. Одна мягкая, толстая, другая костлявая, жилистая.

— О —

В военном клубе сидела весёлая компания штабных офицеров. Миксер за стойкой привычными движениями сбивал коктейли. Из радиоприёмника неслись истошные звуки самбы.

— Я настаиваю, господа, что нет женщин очаровательней француженок! — воскликнул кто-то из офицеров.

— Правильно! И потому — за их здоровье! — поднял бокал его сосед.

— Я полагаю, что наши бельгийки ничуть не менее элегантны...— заметил другой офицер.

— А для меня, господа, как для голландца, не может быть женщин прекраснее наших...

— Разрешите, господа, — поднялся сухопарый майор, — я вижу, что вы не имели чести любоваться прелестными английскими леди...

В обширном холле клуба звенели бокалы.

— У вас, господа, ещё всё впереди! — произнёс резкий, насмешливый голос у двери. Худощавый, высокий мужчина в генеральском мундире холодно улыбался. Манера держаться выдавала в нём кадрового военного. Офицеры, отставив бокалы, быстро поднялись и вытянулись.

— Адъютант, представьте меня господам офицерам.

— Слушаюсь! Имею честь представить вам вашего нового командира генерала Франца Дитриха, который недавно вернулся из США, где он в течение года читал лекции о своём опыте времён второй мировой войны... А теперь разрешите, господин генерал, представить вам господ офицеров.

— Капитан Шелл.

— Майор Ван Цолле.

— Подполковник Бевиллаж.

— Капитан Кэмпбелл.

Генерал остановился:

— А вы?

— Господин генерал, разрешите...

— Француз, не так ли?

— Майор Левилье.

— Ах, да, припоминаю... Если не ошибаюсь, вы были...

— Я состоял при военном трибунале, который вас...

— Но... но, господин майор, почему так резко? Ведь мы всё-таки союзники, коллеги...

— Господин генерал, я позволю себе...

— Ну, ну, дорогой майор! Ведь, я полагаю, вы не коммунист?

— Нет, господин генерал, но я француз, любящий своё отечество, и...

— ... и вы думаете, что я не люблю Францию? Самые лучшие воспоминания связаны у меня с ней. Париж, Страсбург, Гавр... Театры, Лувр, вечерние часы на Сене... И музыка! Сказочные звуки вальсов...

— Господин генерал!

— Ну, ну, приятель! Меня радует мысль, что мы вместе посетим знакомые места. Согласитесь, что с Франции давно пора смести всё наносное, что она должна стать такою, какой ей надлежит быть, — страной вина, музыки и прелестных женщин. Не так ли, господа?

Звякнули бокалы.

— А вы, майор, не пьёте?

— Извините, мне что-то не по себе.

Майор Левилье повернулся и, не простившись, быстро вышел.

Глаза всех присутствующих растерянно обратились к генералу. Он молчал. Лишь на виске билась синяя жилка. Наконец он усмехнулся:

— Как вам известно, господа, всех нас привела сюда преданность высоким идеалам гуманизма. Самим провидением мы призваны защитить цивилизацию перед лицом варварства. Свободный мир ждёт от нас, как когда-то ждал от крестоносцев, что, преданные святым идеям демократии и свободы, мы будем мужественно сражаться за права и достоинство высшей ра... кгм... свободной личности... Надеюсь, господа, что вы меня поняли. На сегодня довольно. До свидания, господа.

В дверях генерал тихо сказал адъютанту:

— Сегодня же принесите мне досье всех этих болванов!

— О —

На следующий день разнеслась весть, что майор Левилье покончил жизнь самоубийством. Этим и ознаменовано было вступление генерала Дитриха на пост защитника высоких идеалов гуманизма.

Перевела со словацкого
В. ПЕТРОВА.

ПРЫЩ ДАТСКИЙ

В своё время Гамлет, принц датский, говорил:

«Я безумен только при норд-норд-весте; когда ветер с юга, я отличаю сокола от цапли».

Сейчас в Дании ясная, спокойная погода. Простые датчане всё решительнее выступают за нейтральную политику, против НАТО. А такой климат вызывает беспокойство у «атлантических» политиков.

Сейчас на развитие и процветание безумных воинственных настроений отдельных личностей влияет не столько норд-норд-вест, сколько доллар-доллар-цент.

В этом мы можем убедиться, читая недавнее выступление датского генерала Крага.

Его превосходительство не только перестал отличать сокола от цапли, но готов под присягой признать, что стервятник похож на кроткую голубицу.

Краг заявляет, что «мировая война неизбежна», что Дания будет «неминуемо оккупирована агрессором», а население вывезено в «отдалённые места».

Спасение от всех этих бед тронутый доллар-центом вояка видит в том, чтобы крепче держаться за хвост кротких атлантических голубиц и тратить побольше средств на вооружение.

Он обрушивается на Советский Союз, обвиняя его во всех смертных грехах, а главным образом в стремлении «оккупировать всю Европу». Оказывается, «только атомная бомба удерживает Советский Союз». Поэтому, дескать, она «ни в коем случае не должна быть запрещена».

Бывает, что на здоровом теле вдруг выскочит прыщ. Датский народ здоров, но, как видим, вдруг неожиданно выскочил Краг.

Г. РЫКЛИН

Рисунок Ю. ГАНФА.

Радиоцентр «Свободная Европа», являющийся орудием «холодной войны», сочетает злопыхательскую клевету со шпионской деятельностью.

В ОДНОЙ ШЕРЕНГЕ...

ДЕД МОРОЗ И «СКОРАЯ ПОМОЩЬ»

Может ли современная «Скорая помощь» уподобляться технически отсталой улитке, которая едет и когда-то будет?

Оказывается, может. В Минске, например, такие случаи бывают нередко. Выясняя причину этого прискорбного явления, наш фотокорреспондент отправился на улицу Захарова, где помещается минская городская станция «Скорой помощи». И вот перед ним большой двор, а на том дворе, по первому взгляду, какие-то необыкновенные, громадные сугробы обтекаемой формы... Батюшки-светы! Да это же роскошные «ЗИСы», машины «Скорой помощи»!

Стоят бедняги под открытым небом, и взбалмошный дед Мороз потешается над ними, как ему угодно. Попробуй тут выехать по срочному вызову, когда шофёрам иной раз по часу, по два приходится заводить застывшие на холоде моторы!

Нет, конечно, деятели горисполкома и горздрава здесь совершенно ни при чём. Во всём виноват упомянутый дед Мороз: не понимает старик, что так называемое безгаражное содержание машин «Скорой помощи» требует от него повышенной чуткости и теплоты!

НА ВОДОПОЙ...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

В некоторых колхозах Вологодской области не используется гужевой транспорт. Корма к конюшням подвозятся на машинах.

Л. ГАЛКИН

Тучки на «летучке»

На предприятиях и в учреждениях так называемые «пятиминутки», «оперативки», «летучки», проводящиеся в служебные часы, нередко превращаются в длительные заседания.

В погожий день собрались тучки
И, долгий разговор ведя,
Застыли в небе, сбились в кучку.
И солнца нет, и нет дождя!

Полдня вот так болтают кряду...
Кричит им ветер:
— Непорядок!
Что в небе без толку маячить!
Вас, видно, одолела лень!
Не стыдно вам стоять — судачить,
Тень наводить на ясный день!

— Не стыдно! — отвечают тучки.—
Ведь мы собрались на «летучку»!
Вопросы все оперативно
Решим и поплывём опять...
— Да мне на вас глядеть
противно!
Кто научил вас заседать!

— Мы этого скрывать не будем.
Кто научил! Конечно, люди!
Те заседают не на шутку.
Глядите: в тресте «Керогаз»
Собрались на «пятиминутку»,
А заседают пятый час!
«Оперативка» в «Авторучке» —
Жужжат, как мухи на «липучке».

А здесь свой аппарат директор,
Не отрывая от стола,
Засесть заставил за селектор —
Четвёртый час вершат дела!

«Летучка» в главке «Главвесы»...
И всё в служебные часы!

Тут ветер крикнул:
— Дам вам взбучку!
Довольно без толку болтать!..
Он дунул — разлетелись тучки.
На небе солнце.
Благодать!
Подумал ветер:
«До чего же
Легко прикончить болтовню!
Спущусь на землю я и тоже
Болтающих поразгоню!»

И курс к земле он круто взял.
Глядит — пред ним огромный зал.

А в зале этом дыма тучи:
Сидят, дымят, хотят решить,
Как посетителей получше
В часы приёма обслужить.

У опустевших кабинетов
Сидят в приёмных люди, ждут...
В часы приёма важный этот
Вопрос полдня решают тут!
Тут ветер засвистел сердито:
— Закрылись!
Входа не найдёшь!
Нет даже форточки открытой.

Их здесь и пушкой не пробьёшь!
Бюрократические штучки —
«Пятичасовки»! «Лепетучки»!
И все сверхдолгие притом!..
Я сам не справлюсь, вывод ясен:
Нужны здесь Молния и Гром!..

ОТ АВТОРА: Нужны! Согласен!

г. Харьков.

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

ДОСТУКАЛСЯ...

Варвара КАРБОВСКАЯ

ПЯТНИСТАЯ душа

Александр Васильевич Марков захотел жениться.

Это было вполне естественным желанием при его цветущем возрасте и видном служебном положении. Можно было только удивляться, почему он раньше этого не захотел. Человек с высшим образованием, на самом отличном счету в министерстве (тогда оно называлось Министерством машиностроения и приборостроения) — неужели он до сих пор не встретил ни одной хорошей девушки, которую ему было бы радостно назвать своей женой? Или он, благоговея перед браком, считал, что семья — это святая святых и его избранница на всю жизнь должна быть идеалом, а идеал не попадался?

...Лидия согласилась стать женой директора Уральского арматурного завода Александра Васильевича Маркова. И когда он в загсе написал твёрдым почерком: «Вступаю в брак впервые»,— наверно, у неё на душе был светлый праздник. Значит, ни одна женщина до неё не коснулась девственного директорского сердца. Так новосёл входит в новый дом, где двери не захватаны руками прежних жильцов и на стенах нет сальных пятен...

Никаких пятен нигде не было: ни в паспорте, ни на душе у Александра Васильевича,— это было очевидно всем.

Спустя некоторое время жена директора родила ему дочку Ирину. Для неё это было счастьем — ребёнок от любимого человека.

Но любимый не разделил этого счастья. С тем же рвением, с каким он раньше хотел жениться на Лидии, он захотел как можно скорее бежать от неё и от ребёнка.

Для Маркова это не составляло трудностей. Он уже тренировался в беге на дальние дистанции: из Московской области, от первой жены и двух детей, перебежал в Калининград; из Калининграда, от второй жены и дочки,— в Уральск. Теперь предстоял бег из Уральска, от третьей жены и четвёртого младенца.

Вероятно, те люди, которые женились для того, чтобы обзавестись семьёй, казались Маркову смешными и примитивными. Лично он женился для удовольствия. Правда, ему попадались всё такие девушки, которые собирались строить прочную семейную жизнь и хотели, чтобы всё было по закону. Так ведь и он сам искал именно таких, чтоб были, как цветок: очарование, чистота, свежесть. И шёл с ними в загс: сначала с Тоней, затем, сбежав от Тони, с Валентиной и, наконец, с Лидией, скрывшись от Валентины. И каждый раз в загсе он играл роль холостого, неженатого, влюблённого с чистой душой. Считал, что игра стоила свеч.

Но с рождением ребёнка для Маркова пропадало очарование и кончались все удовольствия. А ему ужасно хотелось новых удовольствий. И одновременно не хотелось давать деньги на пропитание тех ребятишек, которые уже народились от него на свет. С его точки зрения, получалось даже как-то неравномерно: было всего-навсего только три жены, а детишек уже четверо.

Конечно, если бы всем этим семерым обиженным и обманутым удалось разыскать своего обидчика Александра Васильевича Маркова, то ему пришлось бы отвечать за всё разом: и за многожёнство и за то, что не платил алиментов.

Оставалось одно — скрываться от жён: Тони, Валентины и Лидии — и от детей: Изабеллы, Валерия, Инги и Ирины.

И, надо сказать, до некоторой степени в этом помогало ему родное министерство: из Уральска перевело его в Ангарск, из Ангарска — на Ивановский завод. Никто не интересовался причиной его нервозной непоседливости. И даже «дебош и аморальное поведение», как было записано в решении о строгом партийном взыскании, данном Маркову в Уральске, даже это не показалось его министерским начальникам сколько-нибудь заметным пятном на его душе.

Александр Васильевич всегда был обеспечен хорошим куском хлеба, но даже ни одной крошки от этого куска он не хотел уделить своим детям. Однако целиком на благорасположение своих министерских начальников он не полагался: на министерство надейся, а сам не плошай. Поэтому он (на этот раз уже без помощи министерства) подделал свои документы, переправил год и место рождения: написал, что родился не в городе Вичуге, а в деревне Держук (то-то осчастливил жителей Держука, где, может быть, сроду не бывало такого блудня!). Это он сделал для того, чтобы его труднее было разыскать.

Александр Васильевич подделывал документы неспроста: у него снова приспело желание жениться, что он и пытался осуществить в посёлке Ильинском, Раменского района, Московской области. Однако по дороге в загс с девушкой Анной он был задержан (оставленные жёны искали его через суд, через милицию,— кто как мог). С него взяли подписку о невыезде. Он дал подписку и немедленно скрылся в неизвестном направлении...

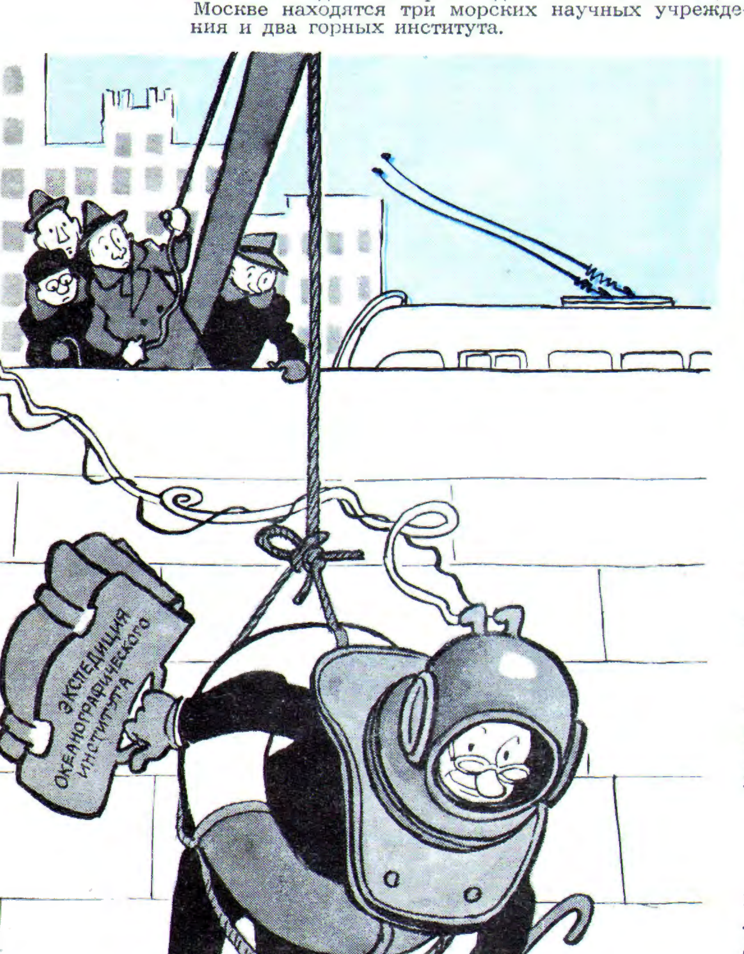
Влюблённые женщины, как это ни печально, иногда ошибаются: любят дрянь, а думают, что полюбили божество. Но зачем же товарищи из министерства поступали, как влюблённые женщины, и не замечали сплошь пятнистой души Александра Васильевича Маркова?

И только, может быть, после того, как стало известно что он и документы подделывал, его руководители спохватятся: уж не обманул ли и нас Марков, как тех своих четырёх жён?

Это очень возможно. Потому что блудливые трусы всегда живут за счёт доверчивых людей.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Многие научно-исследовательские институты расположены вдали от производственной базы. Так, в Москве находятся три морских научных учреждения и два горных института.

Я опущусь на дно морское...

Я поднимусь за облака...

РЕЙД КРОКОДИЛА И АРМЯНСКОГО САТИРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ВОЗНИ»

КАМНИ преткновения

В редакции армянского сатирического журнала «Возни» («Ежик») Крокодила встретили весьма приветливо. Гостеприимный хозяин был одет по-дорожному, он собирался в командировку и любезно предложил Крокодилу стать его попутчиком.

— Я еду в Талинский район, — предупредил Возни, — это, скажем прямо, не араратская долина. Особых живописных красот там не сыщешь. Район трудный и для туристов неинтересный. Но ведь ты, надеюсь, прибыл в Армению не как турист?

ОДЕТЫЙ КАМНЕМ

Да, действительно Талинский район не подходящее место для туристских прогулок. Свои дорожные впечатления Крокодил и Возни могли бы выразить одним словом: «камни».

Камни справа, слева, камни впереди и позади. Впечатление такое, будто над районом прошёл проливной каменный дождь.

— Эх, сколько земли под камнем пропадает! — заметил Крокодил. — Вот бы придумать машину, чтоб подбирала камни! Этакий, знаешь, камнеуборочный комбайн.

— Уже придумали, — мрачно ответил Возни. — Комбайн сконструировали и даже опытный образец изготовили. Но...

— В чём же камень преткновения?

— Не поверишь, но это факт: в Министерстве сельского хозяйства Армении не нашлось полутора тысяч рублей на испытание комбайна. Вот и стоит он уже год без движения.

— Ну, если за этим только задержка, — воскликнул Крокодил, — я мог бы из своих скромных средств!..

— Спасибо за доброе слово, — поклонился Возни, — только я надеюсь, что министр тов. Абрамян как-нибудь обойдётся без твоей помощи и найдёт способ убрать камень преткновения с пути камнеуборочного комбайна.

ИНИЦИАТИВНЫЕ ПРЕДКИ

Крокодил и Возни объехали несколько сёл района. Они с удовольствием увидели много новеньких построек для скота. Только... все они почему-то были без крыш.

— Странно! — удивлялся Крокодил. — Конструкция, что ли, такая необычная?

— Не в конструкции дело, а в лесе, — вздохнул Возни. — Худо Центросоюз снабжает колхозы лесом. Правда, наши предки как-то обходились и строили самые различные здания со сводчатыми перекрытиями из камня. А это добро, сам видел, у нас не в дефиците! Но так строили в далёкие времена.

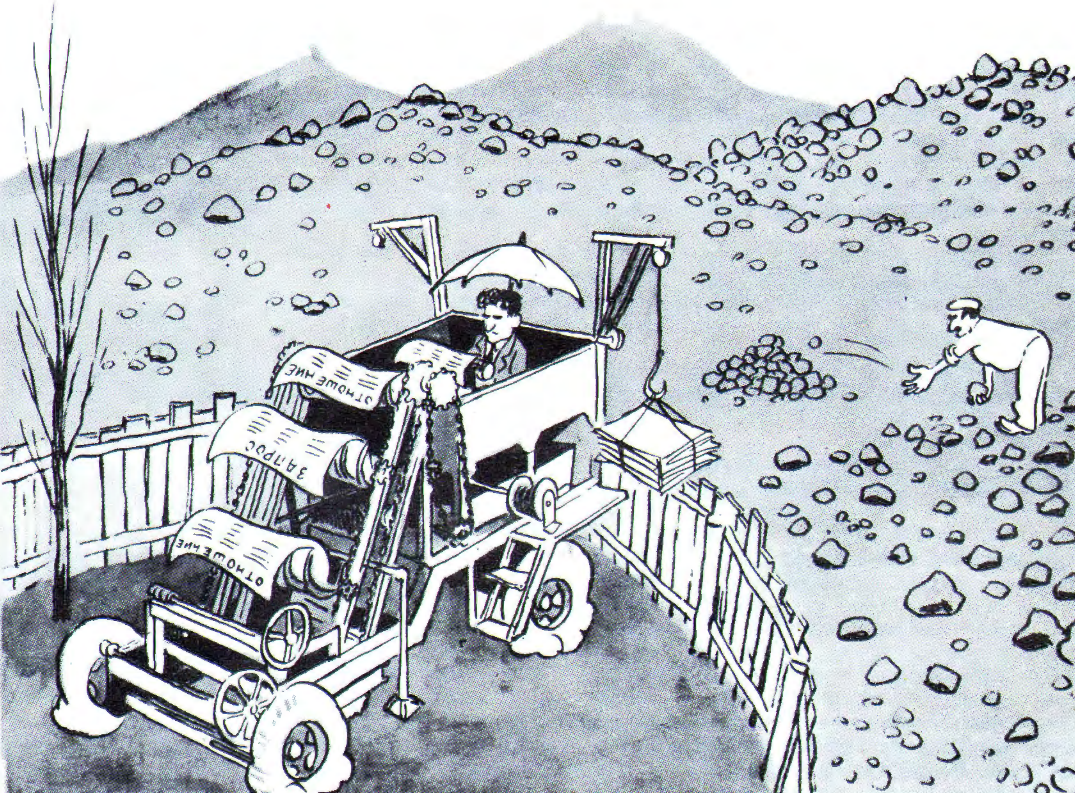
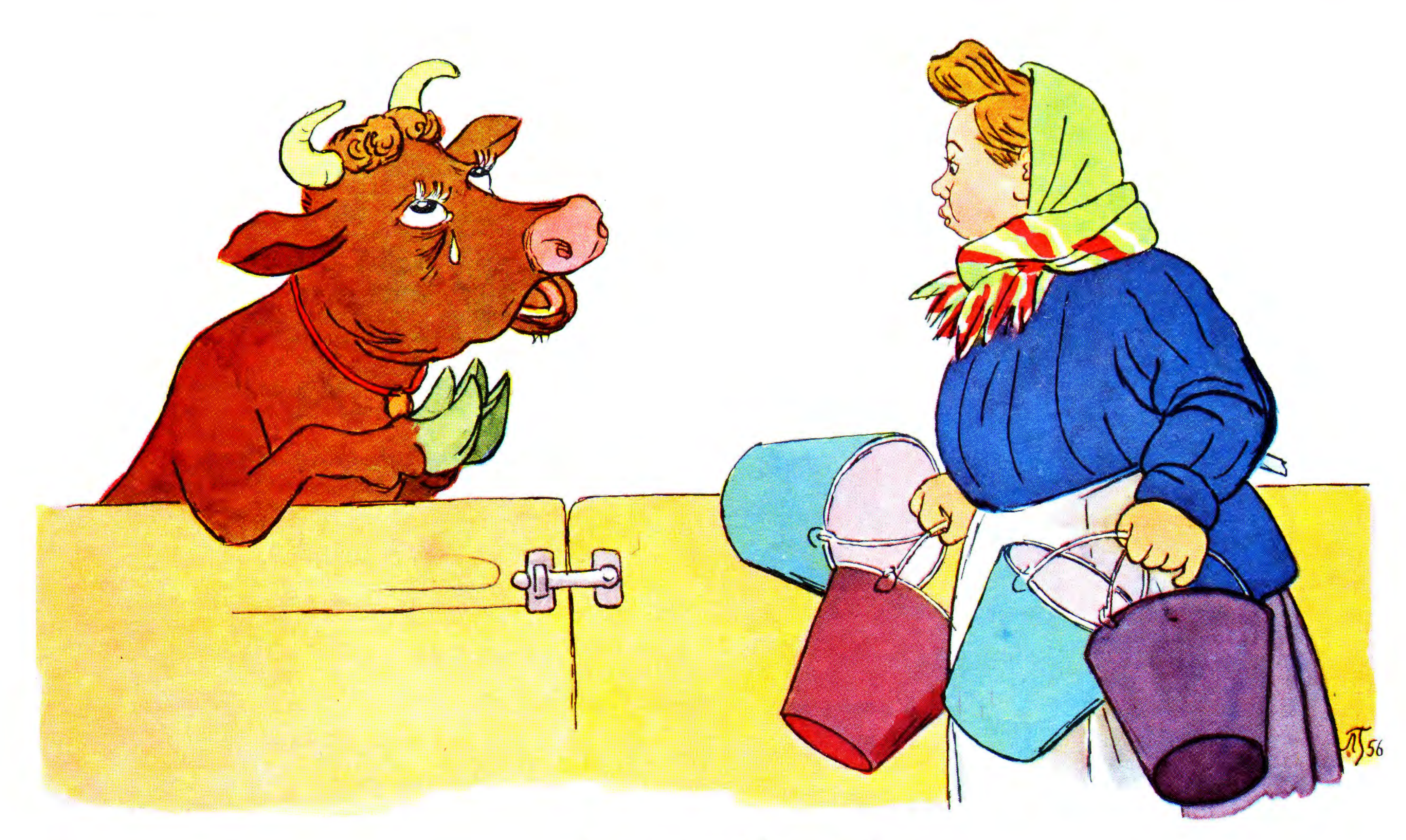

Рисунок Л. ГЕНЧА.

Опыт передовых колхозов показывает, что двукратная дойка имеет целый ряд преимуществ перед четырёхкратной дойкой.

— О, не дои меня без нужды!..

— Разумеется! — подхватил Крокодил. — Строителям тех времён в этом смысле было гораздо легче: им не надо было на кого-то надеяться. Как жаль, что они не могут связаться по телефону с талинскими организациями и передать им свой опыт по использованию местных ресурсов!

КОРАБЕЛЬНАЯ РОЩА

Почти весь район проехали наши путешественники, но нигде не обнаружили ни единого деревца. Не было даже и намёка на озеленение.

Когда Крокодил обратил внимание своего спутника на этот печальный факт, Возни порывисто схватил его за рукав.

— У меня к тебе большая просьба, дорогой, — взволнованно сказал он, — вернёшься в Москву — вышли мне, пожалуйста, картину Шишкина «Корабельная роща»!.. Я повешу её в зале заседаний Талинского райисполкома. Глядя повседневно на эту картину, товарищи, может, вспомнят о лесопосадках в своём районе и, чем чёрт не шутит, возьмутся за это дело с большей энергией, чем до сих пор.

...И ещё одно обстоятельство бросилось в глаза нашим путешественникам во время поездки по району: на животноводческих фермах колхозов отсутствовали даже самые простые механизмы.

— Не подумай только, что этот вопрос не поднят в районе на должную высоту, — предостерёг Возни своего гостя. — Решений и постановлений по этому поводу здесь вынесено много. В отличие от ферм дело это механизировано как следует.

НА ПАМЯТЬ!

Но особенно потрясла Крокодила и Возни картина, которую они наблюдали в большом селе Ашнак: группа дюжих, пышущих здоровьем мужчин и женщин выстроилась в непринуждённых позах перед уличным фотографом. Тот старательно нацеливал на них объектив аппарата.

— Что это, — заинтересовался Крокодил, — передовиков колхоза снимают?

— Не совсем, — уклончиво ответил Возни, — это... больные.

— Больные? Странно. По их виду можно предположить, что они только что с курорта...

— Увы, но это так. В Ашнаке 350 трудоспособных, а на работы выходит 100—130 человек. Остальные, прикрывшись справками о болезнях, либо сидят дома, либо ездят за двадцать километров на рынки и торгуют овощами со своих огородов. И вот результат: был три года назад Ашнак колхозом-миллионером, а стал самым захудалым хозяйством в районе.

— А не вручить ли руководителям района по одному фото, которое снимает сейчас этот фотограф? — быстро сориентировался Крокодил. — Так сказать, на добрую память. Может быть, это как-нибудь поможет Ашнаку возродить свою былую славу?

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

В заключение своей поездки по району Крокодил и Возни решили нанести визит председателю райисполкома тов. Мхитаряну.

Пришли утром.

— Товарищ Мхитарян на совещании, — объявили им в приёмной.

Пришли в обед.

— Товарищ Мхитарян на бюро.

Пришли поздно вечером и уныло спросили:

— Кончилось заседание бюро?

— Что вы! У нас так скоро заседания не кончаются...

Крокодилу и Возни стало ясно: вот в чём камень преткновения и корень всех бед. Отгородившись от жизни, от живых людей, руководители района бесконечно заседают, выносят какие-то решения и тут же о них забывают, пишут сводки, объяснения...

Впрочем, этот камешек можно в равной степени бросить и в огород республиканских организаций. За бумажками они не разглядели подлинных причин отставания Талинского района.

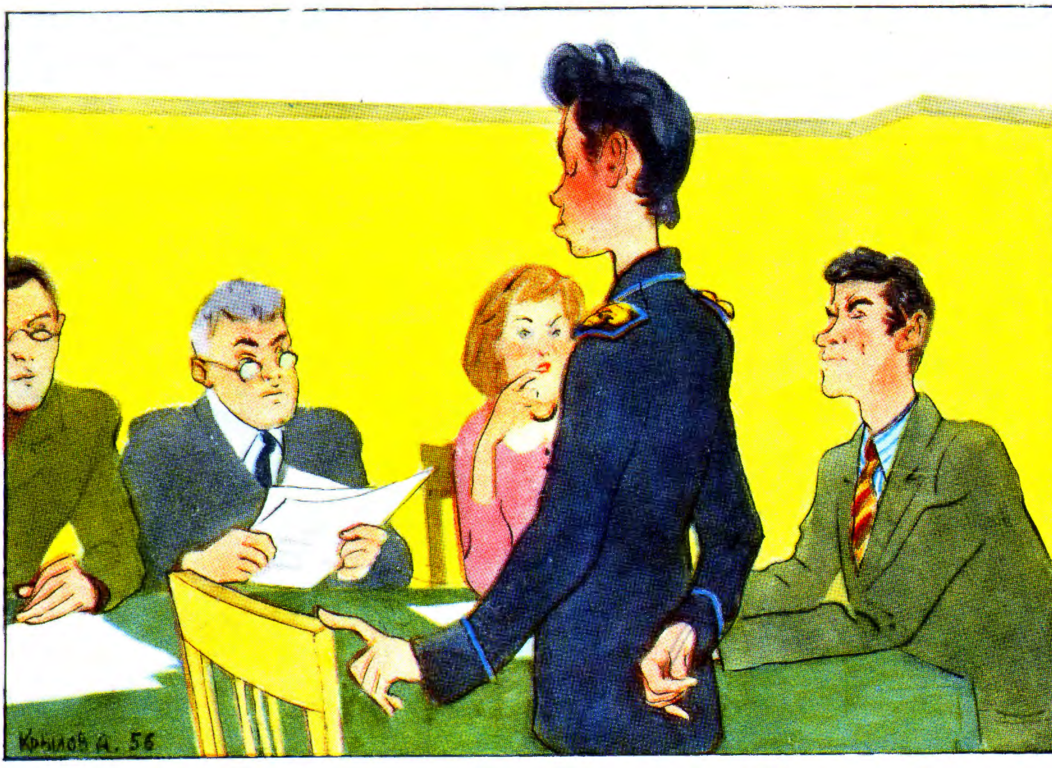
Дорожные впечатления Крокодила и Возни записали Н. БАЖЕНОВ, Г. СТАМБОЛЦЯН.

Зарисовки художника Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Армянская ССР.

Рисунок А. КРЫЛОВА.

ПО ОКОНЧАНИИ ВУЗА

— Я не отказываюсь ехать работать на север! Шлите меня хоть на Северный Кавказ!..

Сергей МИХАЛКОВ

Чужая беда

(Басня)

От шума за окном проснувшись на заре,
Испуганный Степан спросонья догадался,
Что это наглый волк к соседу в хлев забрался
И режет у него скотину во дворе...
— Я думал, что тебя, Петрович, дома нет! —
С укором поутру сказал ему сосед.—
Что ж ты с ружьём на улицу не вышел!
Волк ночью у меня телёнка уволок!
— А я намаялся и спал без задних ног! —
Зевнул в ответ Степан.— Я ничего не слышал!

* *

Урок тому в сей басне дан,
Кто глух и слеп к соседским бедам.
Но может ведь иной Степан
Сам стать степановым соседом!

СЛОЖНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Краткая заметка в газетах информировала читателей о том, что издательство Министерства коммунального хозяйства РСФСР выпустило «Правила пользования и содержания жилого помещения».

Где же купить эти «Правила»? В московских киосках «Союзпечати» они почему-то не продавались.

Я позвонил по телефону в издательство. «Правила» там имелись, и их можно было приобрести по цене 20 копеек за экземпляр.

В издательстве я обратился к товарищу Трушиной.

— Сколько экземпляров вам нужно? — спросила она.

— Как сколько? Один.

— Один нельзя. Надо не меньше пятисот. Переведите нам 100 рублей и по предъявлении письма на имя издательства и почтовой квитанции можете получить.

Кое-как, в виде особого исключения, работники издательства согласились продать мне пять экземпляров «Правил». Но для этого необходимо было перевести один рубль, предъявить почтовую квитанцию и приложить заявление на имя издательства.

В ближайшем почтовом отделении я перевёл в адрес издательства один рубль, уплатив за перевод шестьдесят копеек. Здесь же я спешно составил следующий документ:

«В издательство Министерства коммунального хозяйства РСФСР.

Переводя вам один (1) рубль, прошу выдать мне пять (5) экземпляров «Правил пользования и содержания жилого помещения».

Приложение: квитанция 3-го отделения связи г. Москвы за № 2745/I».

«Ну, теперь всё в порядке!» — мысленно возликовал я, предъявляя тов. Трушиной всю эту документацию.

Тов. Трушина, ознакомившись с протянутыми ей бумагами, поставила сверху резолюцию:

«Складу: отпустить. Трушина».

— С этим в бухгалтерию,— добавила она.

Потрясённый величием и грандиозностью производимой операции, я проследовал в бухгалтерию издательства и предстал перед товарищем А. Кузькиной, которой и предъявил документ.

Быстро и уверенно к подписи тов. Трушиной была присоединена другая подпись: «А. Кузькина».

— Теперь,— сказала тов. Кузькина,— на склад.

На складе издательства был составлен ещё один документ: расходная накладная № 763. Она удостоверяла, что пять экземпляров плаката «Правила пользования и содержания жилого помещения» по себестоимости двадцать копеек за экземпляр сдал (подпись кладовщика), принял (моя подпись).

На этом сложная операция по приобретению пяти экземпляров «Правил» была благополучно завершена.

Было бы неплохо, если бы издательство коммунального хозяйства РСФСР дополнило свои «Правила» ещё одним пунктом, а именно: «Правилами приобретения «Правил пользования и содержания жилого помещения».

А. НАРКЕВИЧ.

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ЛОШАДЬ

Все, наверно, помнят благородных кобыл и жеребцов из страны Гуигнгнмов. Их разумная, добропорядочная жизнь подробно описана Свифтом в «Путешествии Гулливера». Морозовскому отделению милиции (Каменская область) удалось раздобыть неизвестно каким путём такую лошадку. Помимо всех прочих добродетелей, она ещё отличается жгучей ненавистью к алкоголикам. Об этой её удивительной особенности, к сожалению, не знал милиционер Жужнев. Выпив лишку, он отправился на двуколке к себе домой. Но едва он запел про камыш и деревья, как лошадь понесла, разбила двуколку, выбросив незадачливого пассажира.

— Эх, жалко, не предупредили мы Жужнева о том, что наша лошадь не переваривает подвыпивших людей! — сетовали в милиции.

Редакции районной газеты «Морозовская правда» это событие представилось несколько в ином виде. Журналистам показалось, что лошадиные добродетели тут ни при чём; просто из-за неосторожной езды пьяный блюститель порядка разбил тележку. В ответ и. о. начальника милиции Ложкин

прислал следующее опровержение:

«...Лошадь участкового уполномоченного лейтенанта Ткаченко обладает парадоксальной особенностью, а именно, она может разнести в случае если услышит запах алкоголя. Лейтенант Ткаченко не предупреждал об этом милиционера Жужнева. Несмотря на то, что Жужнев не знал этого, проконсультировавшись с представителем УМ УМВД (был у нас в командировке), милиционеру сделано серьёзное внушение. Об этом случае знает весь личный состав РОМ МВД, так же как и о странной особенности указанной лошади. Считаю своей ошибкой только то, что не поставил в известность редакцию об этой особенности лошади».

Как видно из письма, умная лошадь помогает Ложкину бороться с пьянством. Хорошо бы научить её ещё писать опровержения! Возможно, тогда в них было бы больше здравого смысла.

С. ПУШКОВ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый КРОКОДИЛ!

Перед тобой типовой проект курной избы. Чудится нам, что он несказанно обрадует управление механо-монтажных работ Министерства строительства предприятий металлургической и химической промышленности. Сооружение такой избы при современной технике является сущим пустяком. Вообрази себе, как можно двинуть вперёд строительство, ежели министерство поставит производство деталей для курных изб на поток! Какие открываются фантастические возможности! Какие резервы! А как можно было бы ускорить сооружение трёх домов под Москвой — на станции Крюково!

Для того, чтобы ты был в курсе дела, изложу вкратце историю их строительства. Министерство решило как-то реконструировать свой пионерский лагерь. В связи с этим возникла необходимость переселить жильцов из домов, отходящих к лагерю. Для них и начали сооружать новые дома с обычными коммунально-бытовыми удобствами. Но вдруг будущим жильцам сообщили, что проект пересмотрен и вместо парового отопления им придётся довольствоваться дедовскими печами.

Печи не устраивали переселенцев, они просили соорудить для трёх домов одну котельную. Печи удивили и депутата Верховного Совета СССР тов. Хохлова, которому пожаловались избиратели. Депутат написал в министерство. Министерство... Впрочем, дорогой Крокодил, позволь процитировать отрывок из ответа жалобщикам начальника главка механо-монтажных работ тов. Н. Привалова:

«С целью сокращения излишеств (подчёркнуто мною. — **С. Г.**) проект реконструкции пионерского лагеря пересмотрен.

В связи с этим решение о строительстве домов для переселенцев с печным отоплением остаётся в силе».

Из письма явствует, что борьба с излишествами приняла в названном выше министерстве несколько неожиданные формы.

Они экономят не на мраморных колоннах, не на дорогостоящих архитектурных завитушках и каменных крендельках, не на безвкусном украшательстве, отнюдь не улучшающем жилищно-бытовые условия жильцов, — они экономят на самих удобствах. Правда, это несколько противоречит постановлению «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», где прямо сказано, что надо: «...уделять главное внимание вопросам экономики строительства, созданию наибольших удобств для населения».

Но тов. Привалова, видимо, это не остановило. Он выбросил свой лозунг:

— Назад, к печам!

Кто сказал «а», должен сказать и «б». Под флагом борьбы с излишествами можно ликвидировать в новых домах канализацию, водопровод, электричество, газ и прочие коммунально-бытовые блага. В этом случае ему, безусловно, понадобится проект курной избы, который мы и предложили твоему вниманию в начале письма.

Проект курной избы, разумеется, предоставляется бесплатно, так что тов. Привалов сможет сэкономить не только на отоплении и уборных, но еще и на проектировщиках.

С. ГЛУСКЕР

г. Химки, Московской области.

Товарищ КРОКОДИЛ!

Судя по твоим сородичам, ты должен быть большим любителем воды и водного спорта. И, конечно, посочувствуешь железнодорожникам — жителям посёлка Луховицы. С тоской глядят они каждое лето на протекающую мимо их домов речку Чёрную, в которой, как говорится, и курица ног не замочит.

В прошлом году Луховицкий поселковый совет, к всеобщей радости, повернулся лицом к воде, затратил сотни тысяч рублей, очистил, углубил и расширил речушку. Железнодорожному начальству оставалось только отремонтировать да слегка нарастить плотину.

Оставалось и осталось! Обращался поселковый совет к одному железнодорожному деятелю, писал другому, беспокоил третьего. И дождался ответа. Заместитель начальника Главного управления локомотивного хозяйства Министерства путей сообщения тов. Кравченко и начальник Московско-Рязанской железной дороги тов. Меркулов доверительно сообщили, что хотя река Чёрная, конечно, не Чёрное море, но для снабжения паровозов и станционных сооружений воды всё же в ней хватает, а посему с плотиной возиться не к чему...

Да, кстати, дорогой Крокодил: ты, может быть, удивишься, что мы в феврале обращаемся к тебе по таким сугубо «летним вопросам», как плавание и купание? Мы проницательны и догадываемся, что вслед за зимой обязательно наступит весна. Старушку-плотину необходимо перестроить до весеннего паводка, а то от неё и следа может не остаться.

А. ГРИШИН,
редактор газеты «Путь к коммунизму».

Луховицы.

Дорогой КРОКОДИЛ!

Извещаем тебя, что наше село занесено в графу «населённые пункты, охваченные электрификацией». В самом деле, по улицам села выстроились в шеренгу высокие столбы. От столба к столбу тянутся провода. В домах колхозников, в хозяйственных помещениях колхоза смонтирована внутренняя проводка.

Как только наступают сумерки, в колхозных домах, на мельнице, в животноводческих фермах зажигаются... мигалки, коптилки, лучинки и тому подобные ветхозаветные светильники. Дело в том, что для электрификации села не хватает такой «малости», как... электростанция!

Почти два года прошло, как мы без устали хлопочем, пишем, стучимся в двери соответствующих инстанций:

— Выручайте! Без света сидим! Колхозное производство механизировать надо!

Наконец Центросоюз согласился продать нашему колхозу дизельную электростанцию с двигателем. Начальник Главкоопхозторга Центросоюза тов. В. Скрипкин даже любезно известил, что нам уже занаряжена электростанция.

Получить её мы должны были с Больше-Токмакского завода Запорожской области. Ждите, мол, теперь дело только за перевозкой! Потерпите...

Набрались мы терпения, ждём. Мелькают месяц за месяцем. Пролетело полгода... А мы попрежнему сумерничаем при мигалках и лучинках и гадаем:

— До каких же пор нам сидеть в потёмках, пребывая в графе «охваченных электрификацией»?

П. КОНДРАТЬЕВ,
председатель колхоза «Коллективный».

Осакаровский район, Карагандинской области.

Рисунок М. БИТНОГО.

Не успели дойти до потребителя, а уже выдохлись!

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00355. Изд. № 177. Подписано к печати 18/II 1956 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. Заказ № 460. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Американские военные органы с разведывательными целями запускают в воздушное пространство Советского Союза и других стран социалистического лагеря воздушные шары.

На большой высоте
с низкими целями.

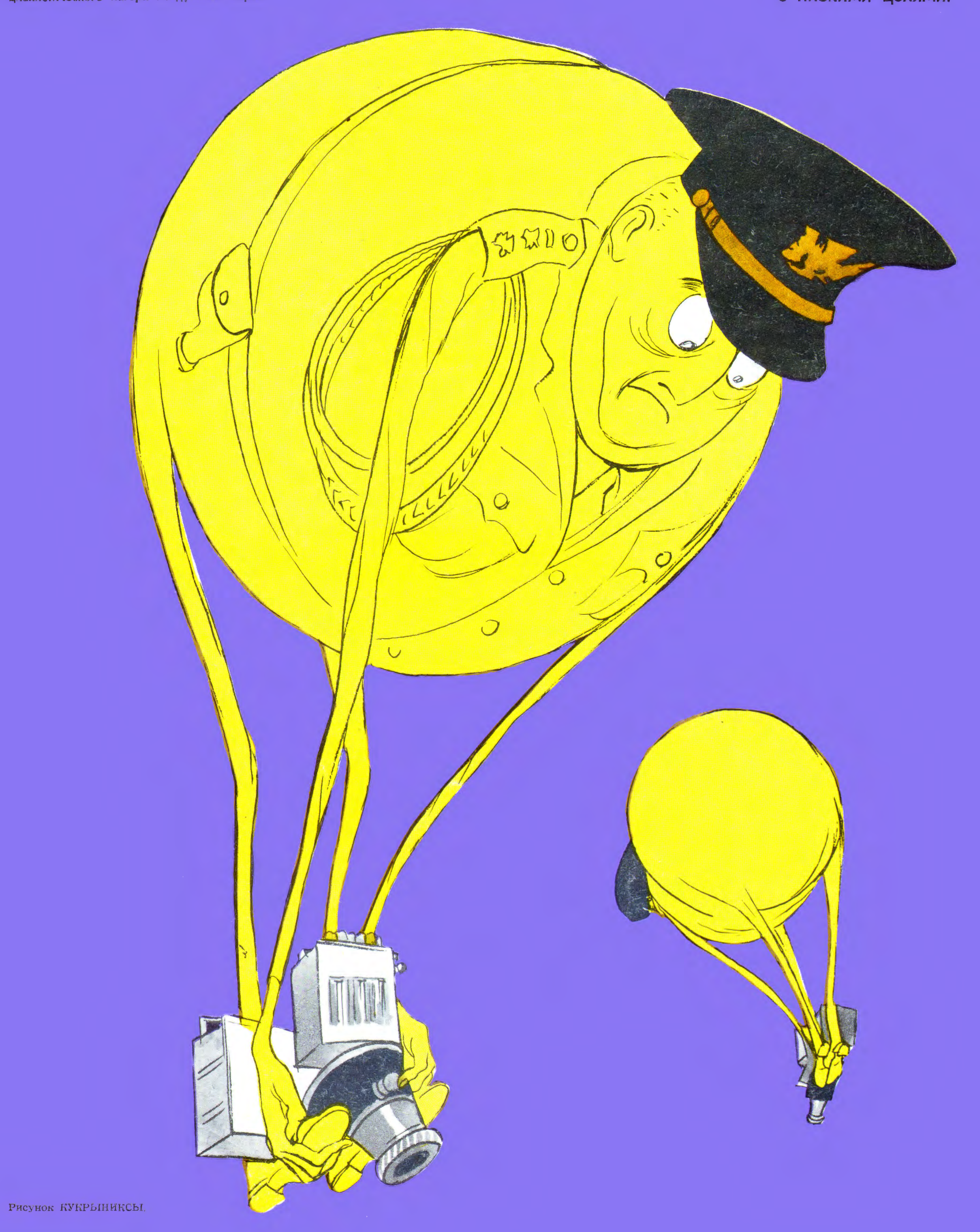

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.